

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОСНОВАННЫХ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РИСКОВ

Федюнин Антон Евгеньевич¹,
докт. юрид. наук, доцент,
e-mail: aef@bk.ru,

Перетьяко Наталья Михайловна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: naperetyatko@yandex.ru

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия

Актуальность статьи обусловлена наличием проблем в сфере правового регулирования систем искусственного интеллекта, возникающих в связи с недостаточным учетом рисков, сопровождающих применение данной технологии. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в сфере правового регулирования систем искусственного интеллекта. Предметом исследования служат модели правового регулирования, основанные на дифференциации рисков. Методология исследования основана на классических методах научного анализа, общенаучных и специальных юридических методах (формально-юридический, логический, аналитический), позволяющих выявить и разрешить проблемы правового регулирования систем искусственного интеллекта с учетом риск-ориентированного подхода. Делается вывод о том, что системы, классифицированные как высокорисковые, подлежат более строгому контролю и мониторингу, в то время как системы с низким и минимальным риском могут соответствовать менее жестким требованиям. Все существующие, разрабатываемые и перспективные системы искусственного интеллекта должны соответствовать стандартам социальной безопасности, при этом горизонтальная модель правового регулирования, основанная на дифференциации рисков, представляется наиболее оптимальной.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, дифференциация рисков, модель правового регулирования, технология, технологическое решение, нормативные требования

ON MODELS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS BASED ON RISK DIFFERENTIATION

Fedyunin A.E.¹,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: aef@bk.ru,

Peretyatko N.M.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: naperetyatko@yandex.ru

¹Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

The relevance of this article stems from the challenges arising in the legal regulation of artificial intelligence systems due to insufficient consideration of the risks associated with the use of this technology. The object of this study is the legal relationships arising in the regulation of artificial intelligence systems. The subject of this study is legal regulation models based on risk differentiation. The research methodology draws on classical methods of scientific analysis, general scientific, and specialized legal methods (formal legal, logical, and analytical),

enabling the identification and resolution of issues related to the legal regulation of artificial intelligence systems using a risk-based approach. It is concluded that systems classified as high-risk are subject to more stringent control and monitoring, while low- and minimal-risk systems may meet less stringent requirements. All existing, developing and prospective artificial intelligence systems must comply with social security standards, while a horizontal model of legal regulation based on risk differentiation appears to be the most optimal.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, risk differentiation, legal regulation model, technology, technological solution, regulatory requirements

Рассматривая вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), необходимо в первую очередь определить, что он из себя представляет. Такие попытки предпринимались неоднократно. Например, определение, предложенное Тьюрингом в 1950 году, основано на его дефинировании через результат процесса. Суть данной идеи заключается в том, что если процесс можно считать интеллектуальным, когда он осуществляется человеком, то он также может быть признан таковым, если выполняется машиной. В связи с этим искусственный интеллект можно охарактеризовать как «деятельность, изучающую, как заставить компьютеры выполнять задачи, требующие интеллекта, аналогично тому, как это делают люди» [1].

Однако важно отметить, что искусственный интеллект не просто копирует человеческие процессы мышления, а использует алгоритмы и модели, которые позволяют ему обрабатывать информацию и принимать решения на основе больших объемов данных. В то же время, с развитием ИИ возникают вопросы этического и правового характера. Как обеспечить защиту личных данных? Как избежать предвзятости в алгоритмах? Как гарантировать, что машины принимают решения, соответствующие моральным нормам? Эти вопросы требуют внимательного рассмотрения и разработки соответствующих норм и стандартов.

Наиболее значимых попыток дефинирования ИИ для законодательных целей к настоящему времени предпринято несколько.

В качестве примера следует обратить внимание на определение, представленное в Коммюнике Европейской комиссии от 25 апреля 2018 года, согласно которому искусственный интеллект представляет собой «систему, которая проявляет разумное поведение, анализируя окружающую среду и осуществляя действия с определённой степенью автономии для достижения конкретных целей».

Искусственный интеллект (ИИ) представляет собой разнообразные технологии и методы, которые помогают системам учиться на основе данных, адаптироваться к новым условиям и выполнять задачи, ранее требовавшие человеческого вмешательства. К числу этих технологий относятся машинное обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и другие подходы, которые позволяют ИИ анализировать информацию и принимать решения. При этом следует отметить, что ключевыми аспектами при разработке и внедрении ИИ являются не только технические характеристики, но и правовые, этические и социальные аспекты, которые должны быть учтены для достижения устойчивого и безопасного его использования.

В России, согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490, озаглавленному «О развитии искусственного интеллекта в РФ», искусственный интеллект определяется как «совокупность технологических решений, способствующих имитации когнитивных функций человека, включая возможность поиска решений без заранее установленного алгоритма, и предоставляющих результаты, которые при выполнении определенных задач сопоставимы с результатами человеческой интеллектуальной деятельности или превосходят их» [2].

Как видно, независимо от терминологических вариаций, ИИ определяется через восприятие его как разумного существа. Следовательно, он функционирует так, как если бы обладал разумом. Таким образом, необходимо осознавать как преимущества, так и недостатки данного подхода, чтобы не нарушить границы между реальным и виртуальным. В противном случае использование термина «интеллект» может косвенно привести к его «очеловечиванию», что, в свою очередь, логически обеснует концепцию его правосубъектности [2].

Далее следует задаться вопросом о том, возможно ли применять классические методы юридической техники к регулированию ИИ или же сосредоточиться на регулировании его использования в конкретных ситуациях. Европейская модель предполагает первый вариант, который можно охарактеризовать как «горизонтальный». С другой стороны, некоторые международные организации считают, целесообразным регулировать ИИ применительно к конкретным сферам деятельности, такую модель можно охарактеризовать как «вертикальную».

Кроме того, необходимо учитывать, что выбор модели правового регулирования ИИ должен определяться не только его технической составляющей, но и возможной ответственностью, связанной с вредом, который может быть причинен его неправильным применением. Здесь следует обратить внимание на такие области как: персональные данные; здравоохранение; обеспечение правопорядка; правосудие и другие направления, непосредственно затрагивающие общепризнанные и фундаментальные права и свободы человека и гражданина.

Вертикальная модель правового регулирования ИИ, которую также иногда называют «отраслевой» основана на подходе, согласно которому узкоспециализированными законодательными актами решаются частные проблемы в сфере ИИ. В отличие от горизонтальной модели, которая предполагает комплексное регулирование, вертикальная воздействует на правоотношения точно. Нормотворчество при таком подходе осуществляется уполномоченными государственными органами путем издания подзаконных нормативных актов.

Следует отметить, что с одной стороны, чрезмерное количество нормативных требований к разработке, распространению и использованию систем ИИ, присущих вертикальной модели правового регулирования может стать тормозом для их развития. С другой стороны в этом есть и положительные стороны, поскольку оперативность регулирования, способствует быстрому появлению правовых норм, не нашедших в текущий момент отражения в действующем законодательстве. При отсутствии необходимого законодательства в конкретный период такой подход вполне применим, однако его масштабирование вызывает вопросы.

По нашему мнению, точечное (вертикальное, отраслевое) правовое регулирование имеет один существенный изъян, который перевешивает возможные тактические преимущества данного подхода. Он состоит в том, что каждая новая система или направление ИИ будет требовать отдельного нормативного акта, число которых не может быть бесконечным. Чрезмерное количество документов, издаваемых разными ведомствами в рамках одной сферы правоотношений, может породить правовой хаос и стать препятствием для развития отрасли ИИ в масштабах всего государства. Кроме того, локальные правовые акты, как правило, не могут в полной мере обеспечить гарантии прав и свобод человека в той же мере как законодательство, принимаемое на общегосударственном уровне.

На наш взгляд, горизонтальная модель правового регулирования ИИ, учитывающая все его риски, является наиболее приемлемой для российской школы нормотворчества. Такой подход позволяет создавать правовые нормы, которые не нацелены на решение «точечных», специфических задач, а направлены на применение во всех секторах. Он подразумевает наличие системности и структурированности, что является преимуществом, поскольку создаваемые правовые нормы будут основываться на научном подходе. Однако следует учитывать вероятность возникновения разрыва связи между универсальными правовыми проблемами, вызванными автономностью систем ИИ и их способностью к самообучению, и задачами в различных отраслях применения. При этом общеправовые задачи не могут решить все фундаментальные проблемы в сфере ИИ, в частности, вопросы обеспечения проверяемости его алгоритмов.

Применение горизонтальной риск-ориентированной модели позволяет строить систему правового регулирования ИИ «с нуля» и обеспечивать решение проблем, которые могут возникнуть в любом существующем и еще разрабатываемом приложении. В данном случае правовое регулирование, основанное на таком подходе, должно основываться на управлении рисками, которое вытекает из дифференциации систем искусственного интеллекта по категориям в зависимости от потенциальной общественной опасности: неприемлемый риск, высокий риск, низкий риск и минимальный риск.

Системы, представляющие собой неприемлемый риск, безусловно, должны быть полностью запрещены. К ним мы относим системы, применение которых противоречит реализации прав и свобод

человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ, а также в законе «О персональных данных» и других нормативных актах, регулирующих права и свободы личности, создающие социальные и иные рейтинги, распределяющие граждан по социальным стратам, а также способствующие любым другим формам социальной сегрегации [2; 3, с. 3].

Следует подчеркнуть, что сферы применения систем ИИ практически не имеют ограничений. В настоящее время наиболее распространенными направлениями являются: голосовые помощники, рекомендательные системы, сервисы потокового видео, распознавание образов, автопилоты и автономные транспортные системы, финансовая аналитика, языковые переводчики, игровая индустрия, медицинская диагностика и робототехника. Среди них заслуживают особого внимания системы ИИ, обеспечивающие безопасность, а также те, которые могут использоваться для принятия юридически значимых решений в отношении граждан. При этом следует исходить из аксиомы, что с увеличением риска для прав человека должно усиливаться и регулирование.

Таким образом, социальные институты, связанные с повышенными рисками, такие как правоохранительные органы, национальная безопасность, уголовный процесс, социальная защита, трудовые отношения, здравоохранение, образование и финансы, требуют первоочередного внимания законодателя. Внедрение систем, способных оказывать влияние на жизнь и права граждан, требует комплексного подхода к оценке рисков и возможных последствий. В связи с этим нам представляется важным создание механизмов контроля, которые помогут выявлять и исправлять потенциальные предвзятости и ошибки в работе алгоритмов ИИ [4, с. 6]. Такая работа требует комплексного подхода, который может включать разработку нормативно-правовых актов, технические методы, проверочные процедуры и этические стандарты.

К правовым мерам, предназначенным для выявления и исправления предвзятости и ошибок в системах ИИ можно отнести, например: AI Act (Европейский союз); Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (Россия); Фреймворк управления рисками ИИ – AI RMF (США). Указанные документы на законодательном уровне закрепляют характеристики ИИ, к которым должны стремиться разработчики: надёжность, безопасность, защищённость и устойчивость, подотчётность и прозрачность, объяснимость, конфиденциальность и справедливость.

К техническим методам выявления и исправления предвзятости и ошибок в системах ИИ можно отнести, например: анализ данных; тестирование на справедливость в принятии решений; методы объяснимого ИИ; методы предварительной и постобработки данных. Указанные методы позволяют разработчикам проводить детальную оценку систем ИИ по различным демографическим и иным социальным сегментам, проводить балансировку и калибровку данных, определять, почему система приняла то или иное решение, выявлять дискриминационную логику.

Проверочные процедуры предназначены для аудита алгоритмов ИИ на предмет справедливости в принятии решений. Они позволяют выявить предвзятость, оценить влияние решений на различные группы пользователей, предотвратить дискриминацию. Обычно процесс аудита включает несколько этапов, например: оценка справедливости и прозрачности; анализ потенциальных негативных последствий; сопоставление с установленными стандартами; рекомендации по корректировке алгоритмов. При этом может применяться подход, называемый «человек в цикле» (Human-in-the-Loop), когда спорные или критически важные решения ИИ перепроверяются непосредственно человеком.

Разработка и внедрение этических норм и стандартов для создания ИИ также имеет критическое значение. Эти нормы могут охватывать рекомендации по управлению данными, обеспечению конфиденциальности и защите прав пользователей, а также по снижению рисков, связанных с ошибками, возникающими из-за неправильного обучения ИИ. Наиболее известными в настоящее время являются ISO/IEC 23894 (стандарт по этике ИИ) и IEEE 7000 (рекомендации по разработке этических систем). В связи с этим крайне важной представляется разработка такой системы правового регулирования ИИ, которая не только будет технически эффективной, но и гармонично впишется в конституционную систему защиты прав и свобод граждан. В совокупности это должно способствовать созданию более безопасного и справедливого цифрового пространства.

На наш взгляд, комплексная система правового регулирования ИИ с учетом управления рисками может базироваться на сочетании правовых, технических и этических инструментов и должна осно-

вываться на категориях систем ИИ, принимая во внимание степень их потенциальной опасности для общества, человека и государства. Эта система «обязана учитывать конкретные сценарии применения технологий ИИ, включать правовые меры саморегулирования, а также предусматривать механизмы соблюдения этических норм и порядок их контроля» [5, с. 8].

В этой связи оптимальной представляется упомянутая нами горизонтальная правовая модель регулирования, включающая управление рисками на основе их дифференциации, которая предполагает активное вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс управления рисками, формирование общего понимания угроз и вызовов, с которыми сталкивается общество в условиях развития систем ИИ. В результате такого взаимодействия «возможна выработка наиболее адекватных и инновационных решений, направленных на предотвращение рисков и минимизацию их последствий» [6, с. 5]. При этом важно учитывать, что с развитием технологий и изменением условий жизни появляются новые угрозы, которые требуют постоянного мониторинга и адаптации к ним правовых норм, для чего необходимы механизмы, позволяющие оперативно реагировать на возникающие риски и вносить изменения в действующее законодательство.

Мы считаем, что для разработки конкретных регуляторных решений необходимо применять риск-ориентированный подход, который будет основываться на оценке потенциального вреда от использования ИИ с учетом вероятности его наступления, а также необходимости принятия мер по минимизации соответствующих рисков, включая утечки конфиденциальной информации и персональных данных [7, с. 5]. Горизонтальная модель правового регулирования ИИ, основанная на дифференциации рисков, предлагает нам многоуровневость и гибкость, способность обеспечить безопасность и устойчивое развитие общества в условиях неопределенности и изменчивости современного мира, в рамках которой:

- для систем с неприемлемым риском следует установить однозначный запрет на использование;
- для систем с высоким уровнем риска необходима разработка процедур постоянного управления и мониторинга;
- для систем с низким или минимальным риском, следует уделить внимание прозрачности в их использовании.

Рассматриваемая модель не только способна лучше управлять существующими рисками, но и создает возможности для адаптации законодательства к быстро меняющимся технологическим реалиям, при этом важно подчеркнуть, что по мере необходимости «могут быть введены новые категории рисков» [8, с. 17]. Следовательно, правовая модель регулирования систем ИИ по типам риска на основе их дифференциации будет неизбежно эволюционировать по мере появления и развития новых технологий и систем, поскольку каждый новый технологический продукт может нести в себе уникальные риски, которые не были учтены ранее.

На наш взгляд, использование горизонтальной модели правового регулирования, основанной на дифференциации рисков, должно «минимизировать потенциальный ущерб, защищая права, законные интересы, а также жизнь и здоровье субъектов, находящихся в правовых отношениях» [9, с. 5]. Это особенно важно, поскольку, например, системы ИИ, использующие алгоритмы машинного обучения, могут в процессе своего функционирования выявлять новые паттерны, которые способны привести к нежелательным последствиям. Также важно регулярно оценивать эффективность существующих правовых норм и механизмов, что поможет не только выявить недостатки и пробелы в законодательстве, но и улучшить взаимодействие между государством и обществом. Для этого представляется необходимым внедрение механизмов правового регулирования, позволяющих регулярно осуществлять дифференциацию рисков, с целью поддержания ее соответствия современным реалиям. В таком контексте горизонтальный риск-ориентированный подход рассматривается нами не только как инструмент правового регулирования, но и как ключевая основа для формирования современного информационного общества, в котором технологии и законодательство будут сосуществовать в гармонии [10, с. 4].

Логичным правовым последствием использования рассматриваемого нами подхода к правовому регулированию систем ИИ должна стать ответственность их владельцев за все принимаемые решения и их результаты. Такой вывод очевиден, поскольку мы исключаем возможность приобретения ИИ правосубъектность как в ближайшем, так и далеком будущем, следовательно, все действия системы ИИ

должны приравниваются к действиям его владельца. Тем не менее, можно утверждать, что правовые условия, при которых непредсказуемые и нежелательные решения систем искусственного интеллекта могут привести к юридическим последствиям для их владельцев, способны значительно уменьшить заинтересованность в их применении. Однако данная проблема является несущественной по сравнению с ущербом для общества, который может быть нанесен бесконтрольным использованием систем ИИ, затрагивающих права и свободы человека.

По нашему мнению, баланс между необходимостью адаптации правового регулирования к новациям, с одновременным предотвращением потенциальных рисков, является ключевым моментом в разработке эффективной правовой базы для систем ИИ. В этом смысле, горизонтальная риск-ориентированная модель правового регулирования систем ИИ, основанная на дифференциации рисков, предоставляет широкие возможности для правотворчества. Она позволяет создавать универсальные нормы и стандарты, которые превентивно ограничат использование тех систем ИИ, которые могут вызвать неприемлемые последствия для общества и граждан [2]. В то же время, важным аспектом данной модели является стимулирование развития систем с приемлемым уровнями риска: высоким, низким и минимальным. Системы, классифицированные как высокорисковые, в рамках данного подхода подлежат более строгому контролю и мониторингу. В то время как системы с низким и минимальным риском могут соответствовать менее жестким требованиям. При этом любые системы ИИ с неприемлемым уровнем риска должны быть запрещены.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что искусственный интеллект представляет собой относительно новое и уникальное явление, которое уже заняло свою нишу во многих аспектах нашей жизни. Это создает «значительную ответственность как для разработчиков, так и для пользователей этой технологии в отношении регламентации ее использования на доктринальном и законодательном уровнях» [11, с. 46].

Горизонтальная модель правового регулирования, акцентирующая внимание на дифференциации рисков, сосредоточена на человеке, так как основным критерием в ней выступает уровень потенциальной угрозы, которую искусственный интеллект представляет правам личности. Преимуществом данной системы регулирования является то, что она не привязана к конкретной сфере и в целом нацелена на защиту прав и свобод граждан, независимо от области применения технологий ИИ. В то же время, парадоксальным образом, существует и негативный аспект, связанный с тем, что установление нормативных требований для участников разработки, распространения и использования систем искусственного интеллекта может несколько замедлить развитие регулируемых отраслей. Тем не менее, это не должно стать серьезным препятствием, так как без должного контроля использование систем ИИ представляет значительную угрозу, как для отдельных граждан, так и для общества в целом.

Список литературы

1. *Turing, A.* Computing Machinery and Intelligence / A. Turing // *Mind, New Series.* – 1950. – Vol. 49. – Iss. 236. – P. 433–460.
2. *Федюнин, А.Е.* Некоторые вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта / А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятыко // *Актуальные вопросы развития информационных технологий и возможности их применения в деятельности правоохранительных органов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 25 апреля 2025 года.* – Саратов: Саратовский источник, 2025. – С. 210–214.
3. *Володина, Н.В.* Особенности китайского подхода к безопасности искусственного интеллекта. Стратегия развития в отношении права и стандартизации / Н.В. Володина // *Современное право.* – 2024. – № 9. – С. 157–162.
4. *Храмцовская, Н.А.* Искусственный интеллект и управление документами: основные риски / Н.А. Храмцовская // *Делопроизводство.* – 2023. – № 2. – С. 24–31.

5. *Ибрагимов, Р.С.* Этика и регулирование искусственного интеллекта / Р.С. Ибрагимов, Е.Д. Сурагина, Д.Ю. Чурилова // Закон. – 2021. – № 8. – С. 85–95.
6. *Менекер, Я.* От этики к правовому регулированию, основанному на принципе защиты прав человека / Я. Менекер // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 2. – С. 39–44.
7. *Бегисhev, И.Р.* Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники / И.Р. Бегисhev // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 1. – С. 37–40.
8. *Чурикова, А.Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Ю. Чурикова. – Саратов, 2024. – 48 с.
9. *Баракина, Е.Ю.* Регуляторные площадки в области правового регулирования применения искусственного интеллекта / Е.Ю. Баракина // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 77–87.
10. *Агамагомедова, С.А.* Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения / С.А. Агамагомедова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – № 4. – С. 460–470.
11. *Иванова, Ж.Б.* Туризм и искусственный интеллект: правовое регулирование в России и Казахстане / Ж.Б. Иванова, Л.Ф. Татарина // Туризм: право и экономика. – 2024. – № 2. – С. 20–22.

References

1. *Turing, A.* Computing Machinery and Intelligence / A. Turing // Mind, New Series. – 1950. – Vol. 49. – Iss. 236. – P. 433–460.
2. *Fedyunin, A.E.* Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya sistem iskusstvennogo intellekta / A.E. Fedyunin, N.M. Peretyat'ko // Aktual'nye voprosy razvitiya informacionnyh tekhnologij i vozmozhnosti ih primeneniya v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, prakticheskikh sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov, Saratov, 25 aprelya 2025 goda. – Saratov: Saratovskij istochnik, 2025. – S. 210–214.
3. *Volodina, N.V.* Osobennosti kitajskogo podhoda k bezopasnosti iskusstvennogo intellekta. Strategiya razvitiya v otnoshenii prava i standartizacii / N.V. Volodina // Sovremennoe pravo. – 2024. – No 9. – S. 157–162.
4. *Hramcovskaya, N.A.* Iskusstvennyj intellekt i upravlenie dokumentami: osnovnye riski / N.A. Hramcovskaya // Deloproizvodstvo. – 2023. – No 2. – S. 24–31.
5. *Ibragimov, R.S.* Etika i regulirovanie iskusstvennogo intellekta / R.S. Ibragimov, E.D. Suragina, D.Yu. Churilova // Zakon. – 2021. – No 8. – S. 85–95.
6. *Meneker, Ya.* Ot etiki k pravovomu regulirovaniyu, osnovannomu na principe zashchity prav cheloveka / Ya. Meneker // Pravo i cifrovaya ekonomika. – 2021. – No 2. – S. 39–44.
7. *Begishev, I.R.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki / I.R. Begishev // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2021. – No 1. – S. 37–40.
8. *Churikova, A.Yu.* Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij i sistem v ugolovnom sudoproizvodstve: vozmozhnosti, riski, pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk / A.Yu. Churikova. – Saratov, 2024. – 48 s.
9. *Barakina, E.Yu.* Regulyatornye ploshchadki v oblasti pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta / E.Yu. Barakina // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – No 6. – S. 77–87.
10. *Agamagomedova, S.A.* Risk-orientirovannyj podhod pri osushchestvlenii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: teoreticheskoe obosnovanie i problemy primeneniya / S.A. Agamagomedova // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2021. – No 4. – S. 460–470.
11. *Ivanova, Zh.B.* Turizm i iskusstvennyj intellekt: pravovoe regulirovanie v Rossii i Kazahstane / Zh.B. Ivanova, L.F. Tatarina // Turizm: pravo i ekonomika. – 2024. – № 2. – S. 20–22.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2026.

Received: 05.02.2026.

Статья принята к публикации: 19.03.2026.

Accepted: 19.03.2026.